

НЕДОКУМЕНТИРОВАННЫЕ ФУНКЦИИ

Текст: Дмитрий Богуцкий

НАПИВАЯСЬ НОЧЬЮ В УКОРМНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ ГОРЬКИМ ГРУСТНЫМ ПОЙЛОМ, ЧЕРГЫТ ЕДВА НЕ УПУСТИЛ СОКРОВИЩЕ, КОТОРОЕ ЕМУ ТАК ДАВНО ХОТЕЛОСЬ НАЙТИ В ЭТОЙ ПУСТЫНЕ.

Лежащий на земле дирижабль заметил старик Хрипатый с высоты штурманской рубки. Комбайн двигался в облаке поднятой пыли на крейсерской скорости пять километров в час. Медленно переставлял огромные опоры, тащил по меловым откосам высохшего моря свой тысячетонный вес, и мечущиеся в темноте лучи прожекторов на мгновение поймали обломки в пятно света.

– Так. Это еще что? – Хрипатый выпустил сквозь зубы дым из стиснутой в зубах трубки и вгляделся в темноту. Внештатный пес Барыга, удобно пригравшийся у него на коленях, внимательно приподнял ухо.

Механическая, невидимая глазу саранча, которой они несколько дней назад засеяли этот квадрат, уже сожрала оболочку дирижабля, лишь обрывки на выгнутых ребрах полужесткого каркаса мотыляло ветром.

– Эк тебе не повезло, – пробормотал Хрипатый, ворочая рычагами. Он остановил комбайн над обломками, за-

САРАНЧА

лив их прожекторным светом, проверил плотность активной саранчи на кубометр воздуха за бортом. Саранча доживала последние минуты своей пугающе целеустремленной жизни.

– Так, дружок, – Хрипатый, нацарапав записку на обрывке, засунул ее за нелюбимый Барыгой ошейник. – Пора отрабатывать хозяйскую пайку. Беги давай. Ну? Барыга, снятый с нагретого места, недовольно потрянул ушами, застучал когтями по металлу палубы, вниз по ступеням из рубки, мимо кубрика, где храпел здоровяк Гензель, мимо принтерной, в которой читал свою книжку вечный студент Кондрат, по люку артиллерийского погреба, в чергытов загончик в конце коридора.

ДМИТРИЙ БОГУЦКИЙ (РОД. 1975) – СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ, ПОПУЛЯРНЫЙ В СЕТЕВЫХ КРУГАХ, АВТОР РЯДА ПУБЛИКАЦИЙ В АЛЬМАНАХАХ И СБОРНИКАХ ФАНТАСТИКИ. ПО ОСНОВНОЙ ПРОФЕССИИ – ДИЗАЙНЕР.

Чергыт скоро поднялся в рубку, недовольный и помятый.

– Сахарку собаке дал, начальник? – спросил Хрипатый.

– Обойдется твоя собака без сахарка, – буркнул Чергыт, подымая бинокль и пытаясь разглядеть что-то в пылище за бортом.

– Что это у нас?

– Несчастный случай на производстве. Как обычно.

С палубы в рубку сунулся Кондрат:

– Чего стоим, бригадир?

Чергыт показал. И добавил:

– Ты, Кондратий, давай подымай Гензеля, нагружай его ломачи и лопатами. Сейчас высадимся, порыщем по погребам, что осталось на этих бранных останках полезного для нашего хозяйства.

– Ага. Понял.

Гензель молча проснулся. Молча влез в облезлый пыльник до каблуков, в кожаный шлем с очками на пол-лица, как все, натянул респиратор. Молча нагружился шанцевым инструментом. В открытый наружу люк тут же натянуло пыли. Пылесос на мачте комбайна не справлялся со сбором сырья, оставленного вымершей саранчой.

– Ненавижу, – буркнул Чергыт, и они высадились.

Длинная смятая дюралюминиевая гондола дирижабля уцелела. Источенная саранчой, она лежала на боку, полузанесенная сырьевой пылью.

– Так. Похоже, это действительно мы его накрыли... – Чергыт обвел светом фонаря гондолу. Ветровые стекла из прозрачного пластика разъело напрочь. – А чего это в окнах?

– Фольга, – коротко ответил Кондрат, прикасаясь. Затем проткнул пальцами фольгу, несколькими слоями затыкавшую пустое окно, разорвал ее в клочья и пустил внутрь луч фонаря.

– Слышь, бригадир, я там человека вижу...

– Чего? Ну-ка я сам... Ого. Да он живой! А ну, Гензель, посади! Чергыт с Кондратом залезли внутрь через окно, а Гензель вытиснул большим прожектором снаружи.

Малый лежал на куче сырьевой пыли, устилавшей пол разгромленной гондолы, закутанный в ту же фольгу, содранную со стен ради сохранения тепла, похожий на куколку бабочки. На лице грязная повязка, на голове обычный пустынный шлем с очками родом из навеки канувших в Лету времен поршневого авиации. Под стеклом окуляра моргнул глаз, в стылый ночной воздух выпало облачко пара. Точно, живой.

– Твою же... – прошептал Чергыт, поднимая из почти высохшей банки с водой крутобокий кораблик, слепленный из той же смятой фольги. – Как вообще так можно?

– Потасили его, – кратко ответил Кондрат, подхватывая пострадавшего под мышки. Рефлекс студента-медика. Сначала лечим, а разберемся потом.

И они потасили.

– Давай его в принтерную, – прокричал Кондрат, прямо в фольге затаскивая спасенного по кормовому пандусу на палубу. – У него руки нехорошо поцарапанные. Если что, сразу соберем антидот.

Из рубки высунулся Хрипатый.

– Чего это у вас тут?

– Помогай давай!

Они втащили спасенного в принтерную, посадили его в операторское кресло. Кондрат метнулся к консоли проверить, что из лекарств загружено в память принтера. А спасенный, совсем еще пацан, медленно стащив с лица очки, пялился на нависающую над креслом громадину из огромных колец молекулярных сопел сборочного роторного принтера.

Зрелище – и то верно – было впечатляющим. Огромная подвешенная машина, похожая на парящий великанский гироскоп, занимала все немаленькое пространство на корме комбайна.

– Слышь, бригадир, где тут мои препараты из списка А?

– Да не ищи их там, я их удалил еще на прошлой неделе, места в памяти для пива не хватало.

– Ну, бригадир. Ну ни хрена себе. Ну ты даешь! А если бы ты сейчас в кресле с оторванной ногой сидел?

– Хрен когда. И убавь тон. Как пиво жрать, так все молодцы, а от твоих толченых лягушек и толку никакого, и места на дисках нет. Да ты не вой, свяжусь я с Управой, может, зальют что надо.

– То что надо мы только к утру докачаем, блин.

Рука Гензеля легла Кондрату на плечо, тот обернулся и онемел. Спасенный пацан вылез из своего кокона, покачиваясь, наклонился над консолью принтера и всеми десятью пальцами непостижимо быстро набрал что-то на металлической клавиатуре. Принтер гукнул и поразительно безропотно сожрал набранное. Взревел, крутанул молекулярными соплами и тут же выкатил в приемный поддон увесистую бутылку в соломенной оплетке с пробковой затычкой, какой отродясь не было в памяти комбайна. В общей тишине пострадавший взял бутылку, облегченно завалился обратно в кресло, с шипением выдернул пробку и сделал душевнейший глоток. И лишь потом обратил внимание на вытаращенные глаза хозяев. Смутился.

– Эй, это чего? – медленно проговорил Чергыт. – Это он как сделал?

Все молчали. Потом Хрипатый, нехорошо скривившись, плюнул на металлический пол:

– Ну, свезло, мать его. Алхимик...

ПАЦАНА ЗВАЛИ САН. ИЛИ САНЫЧ, ЕСЛИ БЫЛО УГОДНО. А УГОДНО БЫЛО. Разговаривать он не разговаривал, но все понимал.

Прям как Гензель. Только хрупкого сложения.

Неделю после того, как его дирижабль накрыло залпом палившего вслепую по площадям чергытова комбайна, он заклеивал фольгой щели, которые саранча проедала в пластике его окон. На его счастье, Чергыт зарядил в миномет саранчу с коротким сроком жизни. Дюралюминиевые стены гондолы тяжело поддавались измельчению, еще и обклеенные фольгой изнутри, они удержали саранчу, а потом срок ее активности истек и она осыпалась бессильной сырьевой пылью. Так он жив и остался. Редчайший случай – саранча не выпускала ничего живого, да и просто дышать оставленной ею пылью невозможно. И раньше люди, случалось, попадались в зоне разработки – такое бывает, оповещай там, не оповещай. Но никто еще не выжил.

Повезло ему, в общем, что они на него наткнулись. Кондрат только оказал первую помощь – сильное обезвоживание и голод, кожа на руках изъедена до живого мяса, ожоги носоглотки – самодельный респиратор из смоченной мочой тряпки все же пропускает быстродвижущиеся частицы, но к утру Сан, лечившийся самодельными средствами, был уже как новый. И все утро развлекал команду комбайна чудесами недокументированных функций бортового принтера. Благодарил, как мог.

Он забрал у Хрипатога пластиковую пожеванную трубку, а отдал уже вишневую, с чашкой в форме резной львиной морды. Он забрал у Кондрата его единственную книгу, сунул в принтер и вернул точно такой же. Но текст на страницах поменялся. Новая книжка черт знает в какой дали от цивилизации – просто праздник какой-то. А Гензель выглтал одним махом запотевшую бутылку козьего молока и улыбнулся натурально детской улыбкой с молочными усами – вот уж что любил детинушка до потери пульса и чего никак не достать на ржавом комбайне за

тысячу километров от населенного мира. Дружбу Барыги вообще было просто завоевать консервами «собачья радость».

Алхимик, одним словом. Легендарный умелец с врожденным пониманием сути вещей, способный изобретать предметы без непомерной индустрии сверхточного копирования, без разработки чудовищно больших файлов, просто из головы.

– А тебе чего сделать, Чергыт? – спросил Кондрат за и вместо молчаливого и улыбчивого Саныча.

– А мне ничего не нужно, – великодушно отказался довольный Чергыт, алчно скалясь. – У меня теперь все есть.

Чергыт и так был в экстазе и не собирался размениваться на мелочи. Один на один с верным, надежным Хрипатым его проглатывало:

– Вот! Теперь Управа со своей битвой за урожай может ковылять за горизонт мелкими шажками. Видел я теперь их во всех положениях! Теперь я свободный человек, вольный полевой командир. Да я с этим пацаном горы срюю. И плюну им в рожи.

– Чой-то ты губу раскатал, начальник, – скептически скривился Хрипатый.

– Я удушающе трезв в своих намерениях. Не хочешь – заставим, не можешь – тоже заставим. С вами, сволочами, по-другому все равно нельзя.

Хрипатый с начальником не спорил. Чергыт – он упертый в самом плохом смысле слова. К тому же Хрипатый держал за хвостик снаряд для рабочего миномета, который Чергыт как раз снаряжал саранчой. Саранча железная. Мина, начиненная чистым хаосом, и за нею лучше глаз да глаз. С утра Управа в грубой форме уже успела потребовать от Чергыта увеличить плотность сырьевых частиц в магнитопроводе. Любым способом углубить и расширить, иначе вырубится свет. Чергыт некоторое время терпел, а потом просто отключил начальственные вопли... А вокруг и без того пылица – рука вытянутая теряется. И в этой пыли становится видно начало работающего высоко на мачте магнитопровода. Как поле пылесосом захватывает заряженные строительные частицы и с бешеной скоростью угоняет их вдоль луча питающего лазера через полконтинента по направлению к огромным промышленным принтерам Управы.

А как иначе-то? Трансмутация вещества в вещество – это гнилая мифическая алхимия. А тут – большая индустрия. Партии комбайнов, уходящие в бесконечные вахты, в глубь спаленного континента, перемальвают останки погибшей в междоусобной войне прежней жизни в сырьевую пыль. Распыленная минометами саранча разбирает все – металлы, пластики, органику, трупнину на пожарищах – на стандартные наборы сборочных микрочастиц, а вот уже из них принтеры и склеивают новые молекулярные цепочки хлеба насущного. А полевая роторная машина, что стоит на каждом шагающем комбайне, может и танк собрать, если такой файл пришлют. Вот только лишь в Управе умеют делать эти файлы и хранят потом их на своих серверах в глубоких защищенных бункерах. Так вот Управа держит в узде того же Чергыта, контролирует каторжную работу всей армады таких же комбайнов, обеспечивая выживших хотя бы минимумом необходимого. И то хлеб приличный так и не научились собирать – на вкус отдает мышами и вязкий, как резиновая губка. Ну и, как водится, кого-то обеспечивают лишь минимумом, а кого-то – совсем наоборот, смотря как за урожай бился.

– Ты знаешь, как они нас называют, а, Хрипатый? – спросил сосредоточенный Чергыт. – В Управе?

– Ну, знаю.

– Трупоедами!

– А мы трупоеды и есть, – меланхолично ответил Хрипатый. – Дожираем, что не догорело. И?

– Я смотрю, правда тебе глаза не режет...

– Ну, тут что-то другое говорить – корчить из себя девственный ум. Все бы уже ноги протянули, если бы не Управа.

– А они без нас, грязных трупоедов. Но это они нам приказывают, а мы без них никак. Я помню, как все радовались, когда первый принтер заработал. Свобода от материального, во! Безграничные возможности. Ну и что? Принтер есть, а ума собрать на нем что угодно нет.

– Знание – сила, чо, – Хрипатый пожал плечами.

В артиллерийский погреб заглянул сверху Кондрат, как обычно, весь в пыли. Спросил:

– Чего творите?

– Мины начинаем. Пацан своими поделками плотность сырья напрочь просадил. Хочу поддаться стране угля. Пальнем в следующий квадрат и перейдем на новое место, тут кроме мела ничего уже не осталось, а мне нужно ковать. И ковать я буду железо, и пока оно еще горячее.

– Опа... А с этим, похоже, облом может образоваться, бригадир...

– Чего вдруг?

– Так Саныч, вроде, улетать собрался...

– Что?!

А Сан действительно уже собрался улетать. Металлизированная саморастягивающаяся оболочка нового баллона облепила старый каркас и уже наполнялась газом, шевелилась от пробегающих по всей длине складок. Палуба комбайна вибрировала от мерного гула принтера, гнавшего производимый водород по полиэтиленовой трубе, проложенной трехметровыми сегментами по песку. Баллон, вздрогнув, зашевелился, приподнялся, качаясь на пыльном ветру, гондола поднялась с песка, выровнялась и оторвалась от поверхности. Саныч, радостно прыгавший перед дирижаблем, развернулся и удовлетворенно показал комбайнерам два оттопыренных больших пальца.

– Это никуда не годится, – плюнул пылью Чергыт. – Гензель!

А ну перекрой этот трубопровод дружбы.– Потом натянул на лицо респиратор и спустился по лестнице с борта на песок.

– Ты куда это собрался? – глухо рявкнул Чергыт, нагоняя пацана. Еле сдерживая эмоции, рывком развернул его лицом к себе. Пацан показал пальцем в тяжелые сырьевые облака над головой.

– Домой, значит, – объяснил из-за спины Кондрат. – Обратное в стратосферу.

– Какая еще на хрен стратосфера, когда на Земле все дела не переделаны?

– Слышь, начальник, – буркнул в свой потертый респиратор Хрипатый. – Ты бы не давил. Ты бы отпустил его.

– Это что еще за разговорчики? Бунт на корабле?

– Ну вот еще. Чего это сразу бунт?

– Ну так иди и кури свой бамбук. Молча. А ты – идем со мной.

Пацан, крутанув кистью, вывернул руку из захвата Чергыта, отступил и молча покачал головой.

– Слышь, малый, – Чергыт мягко протянув руки, вкрадчиво взял его за грудки. – Не буди во мне животную ярость, мне это противопоказано – осколки зубов в костяшках застревают.

Сан решительно оттолкнул Чергыта, сделал пару шагов назад, спокойно отвернулся и пошел к своему дирижаблю. Чергыт с отпавшей челюстью смотрел, как его блестящие мечты удаляются в поднятую пыль.

– Да щаз! – выверившись, он выдернул у Хрипатога только прикуренную трубку. Чергыт ударом тяжелого ботинка разбил склеенное сочленение трубы и сунул тлеющий табак прямо в теплый поток.

– Охренеть, – только и успел сказал Хрипатый.

Шарахнуло славно.

ХРИПАТЫЙ ПОДОБРАЛ С ПЕСКА ПОЧЕРНЕВШУЮ, ЕЩЕ ТЛЕЮЩУЮ ТРУБКУ, ОТТЕР ЖИРНЫЙ НАГАР С ОБУГЛЕННОЙ ДРЕВЕСИНЫ И ПЕЧАЛЬНО ПОКАЧАЛ ГОЛОВОЙ:

– Да ты, начальник, полный отбиток.

Они сами не взорвались только потому, что верный Гензель, стоявший на вахте у принтера, послушно перекрыл вентиль выпуска газообразных продуктов.

– Да он на всю голову контуженный! – Кондрат едва-едва выкопался из накрывшей его с головой волны песка.

– Я контуженный, – с мрачным достоинством согласился Чергыт, захлопав копящей рукавицей тлеющий рукав. – А ты молчаливый, быстрый и услужливый, если я прикажу. Я, кажется, никому из вас еще башку не пробивал, но могу начать.

Сан стоял на коленях впереди и смотрел, как догорает его дирижабль. Чергыт добрал до него, положил руку на его плечо:

– Ну, извини. Оно, конечно, резковато получилось...

И споткнулся, нарвавшись на белый от ярости взгляд Сана.

– Слышь, – Чергыт поморщился, – вот только не надо на меня так смотреть. Я ведь тебя к принтеру и приковать могу. Золотой цепью. Может, давай по-хорошему? Сработаемся как-нибудь?

Сан молча смотрел на Чергыта, но уже внимательно, со спокойным холодным восхищением, как наблюдают со стороны за безумием природного катаклизма – за извержением вулкана например. Покачал головой, встал. Чергыт уронил руку с его плеча.

Очень тихо, хрустко, как с непривычки, Сан сказал:

– Нет.

И, резко повернувшись, зашагал к комбайну.

– Чего нет? – картинно развел руками за его спиной Чергыт. – Эй! Я с тобой разговариваю!

Ответа не было.

– Так чего нет? А? Ну и хрен с тобой, золотая рыбка...

А Сан уже лез по лестнице на палубу.

Вот тут-то до Чергыта начало доходить:

– Эй! На палубе! Кто-нибудь! Задержите его! Гензель! Не пускать его к принтеру!

Но Сан уже по-дружески улыбнулся Гензелю на входе в принтерный отсек, и тот просто пропустил пацана в святая святых. Чего плохого может сделать такой хороший человек? Сан вошел внутрь и задвинул за собой двустворчатую бронированную дверь.

– НУ?! МАТЬ ВАШУ, ДУМАЙТЕ, КАК ОТКРЫТЬ!

– Дверь из цементированной стали в три наката, – пыхнул обгоревшей трубкой Хрипатый. – Резаком ее не возьмешь, домкратом не подденешь. Ее, гражданин начальник, такой как раз на случай взлома и делали, если что. Н-да.

Кондрату нечего было добавить, а Гензель, как обычно, молчал, что неудивительно, унылое молчание только что спасло ему жизнь, когда еще не взявший себя в руки Чергыт порывался его

порешить. Барыга, как всегда, прятался от невзгод за надежной спиной Хрипатога.

Палуба завибрировала, принтер вновь заработал.

– Твою мать! – Чергыт прилег на палубу, пытаясь что-то извлечь из характера вибрации. – Что он там делает?

Хрипатый пожал плечами:

– Какую-то неведомую хрень.

Чергыт вскочил, щелкнул пальцами:

– Питание!

– Я недавно в принтере аварийную батарею менял, – покачал головой Хрипатый. – На пару часов ее хватает.

– Значит, подачу сырьяотрежем!

– Пылесос вырубается только из принтерной.

– Я сказал – отрежем. Ножик в руки и вперед, на мачту. Там как раз под лазером оптоволокну...

– И пока ты пилишь кухонным ножом кабель в руку толщиной, у тебя в башке прогорает запасная дырка. Сам на мачту-то полезешь?

– Гензель полезет!

– Эй, бригадир! Ты чего? – вскинулся Кондрат. – Совсем того?

– Никто никуда не лезет, – твердо ткнул мундштуком трубки Хрипатый. Чергыт плюнул, а у Кондрата малость отлегло.

– Ну, тогда все, – неожиданно спокойно произнес Чергыт.

– Так, значит так. Выхода нет. А ведь я очень просил меня не выводить.

– Слышь, начальник. Ты куда понешся?

– А я его взорву нахрен! – крикнул Чергыт, откидывая люк и спускаясь в артиллерийский погреб.

Оставшиеся на палубе комбайнеры напуганно переглянулись.

А Чергыт уже лез обратно, цепляясь за края люка ящиком для мин:

– Значит, вот для этого я их и снаряжал.

– Чергыт! Осторожнее, мать твою! – вскочил Хрипатый. – Ты чего затеял!

– Поговори еще у меня! – Чергыт стукнулся коленками о металл у дверей в принтерную, быстро, но осторожно вытащил из ящика одну мину.

– Вот поэтому я и держусь за эту работу, – прошептал он, медленно скручивая только давеча установленный взрыватель. – Ограничу время жизни саранчи парой секунд, она и взрывную волну не переживет, а дырищу в двери сделает будь здоров. И никто больше не пострадает. Ну, только пацан ваш, потому как я уж ему потом задам, по-отчески.

Хрипатый, стиснув от ужаса челюсти, следил за его пальцами. Чергыт хладнокровно снял с мины обтекатель с хвостовым оперением и остался с герметичной колбой, до отказа набитой адовой железной саранчой, в кулаке.

– Ну вот, – Чергыт усмехнулся. – И ничего страшного, если руки из правильного места растут.

Больше ничего непоправимого он сделать не успел, потому что дверь в принтерную неожиданно разъехалась, и оттуда полезло...

Комбайн перекосило. Палуба со стоном наклонилась. Чергыта снесло в сторону, он проехал на спине с колбой в кулаке, грозящем небу, к Хрипатогу, вжатому в ограждение палубы, и повалился на него сверху. Тот не возражал. Хрипатый пиялился на

то, что лезло из комбайна, прекрасное и многоцветное, как бабочка из куколки.

Наверное, это был летучий корабль, по-другому и не назвать. Оставалось только удивляться, что фантазия Саньча так реализовалась. Но пацан оторвался по полной. Расписанные фениксами шелковые баллоны корабля быстро разворачивались, заполняясь горячим воздухом из полыхающих, как огнеметы, горелок с мордами морских чудовищ, двигательные парусиновые винты разворачивались, как колода карт. В деревянном корпусе гондолы, очертаниями напоминающими галеон, ревели паровые машины внешнего сгорания, вращая бронзовые колёнавалы винтов. Выдвинулись мачты-балансиры из бальсовой древесины, с хвостовым оперением в узорах из красных драконов. На носу летающего корабля огромная деревянная носовая фигура держала на вытянутой ладони языки спокойного, живого огня.

– Твою мать, – прошептал Чергыт.

У здорового резного штурвала на корме корабля стоял Саньч и вдохновенно смотрел в алый от заката, чистый от пыли горизонт. Да он все, что они тут подняли за месяц, на это безобразии пустил!

– Ну нет! – Чергыт оттолкнулся от палубы. – Ты меня еще не прокинул!

Шестиствольный рабочий миномет на крыше принтерной был цел, и Чергыт, подобрав ящик с минами, взобрался на артиллерийскую палубу. Никто не мог его остановить. Он шуганул спрятавшегося под турелью Барыгу, развернул турель стволами на летучий корабль, взял прицел и упреждение, поправку на ветер и начал опускать мины в стволы миномета одну за другой, как умел это делать, как делал это всегда. Пригнувшись, закрыв уши и открыв рот. Миномет начал визгливо рывкаться, сотрясая палубу, выбрасывая мины одну за другой по длинной дуге, с полгим дымным следом. Одна за другой они падали в намеченный сектор прямо на низколетящий корабль.

Вот одна прошла мимо, вот еще одна. Ну хоть раз! Да! Есть! Вот теперь тебе конец! Мина пробила разукрашенный баллон и взорвалась внутри, глухо, басисто, превратив белый зорчатый шар в черное вращающееся облако. Да толку – корабль остался целым, и винты, мерно вращаясь, уводили его от места выброса, а взамен подбитого баллона из корпуса уже наддувался новый.

– Ах ты, – Чергыт скрипнул зубами. – Алхимик, твою мать.

А пушечные порты летающего корабля, скрытые в пышной резной скульптуре по борту, открылись. Из них выдвинулись бронзовые рыла помпезных дульнозарядных пушек и сделали общий залп.

Комбайн содрогнулся от бортового попадания. Здоровенные золотые яйца разлетались от удара об палубу, и содержимое текло по бортам вниз. Разнесшаяся дикая вонь, как бумагу пробившая фильтры респиратора, заставила Чергыта, не размышляя, выброситься с артиллерийской палубы, с высоты десяти метров, на близкий песочный склон. Его разбомбили протухшими золотыми яйцами. Воняло чудовищно. Между Чергытом и комбайном как будто образовалась непреодолимая стена.

После такого попадания никто не смог остаться на борту, команда покинула палубу в кратчайшие сроки. Кондрат при этом дико ржал, Хрипатый ташил под мышкой Барыгу, а Гензель – послед-

ную бутылку молока. Команда попадала вокруг Чергыта и расслабилась на песочке. Воздушный корабль гордо удалялся в закат. Чергыт лежал совершенно посрамленный и побежденный.

Он печально закрыл глаза. Но тут раздался голос Хрипатого: – А где колба, начальник?

И ГЛАЗА ЧЕРГЫТА ТУТ ЖЕ РАСПАХНУЛИСЬ. КОЛБА ЛЕЖАЛА НА ПЕСКЕ И ЗАМЕТНО ВИБРИРОВАЛА, меняя форму, теряя стабильность.

Прыжок за борт повредил оболочку, и теперь невидимая глазу саранча лезла наружу. А они стояли вокруг того места, куда ее бросил перепуганный Чергыт, и тупо смотрели на нее.

– Хана, – тихо произнес Кондрат. Надо бы бежать, но все как замерзло.

Только Хрипатый приласкал Барыгу, вздохнул, поставил пса на песок, нагнулся – все замерли – и поднял колбу:

– Давай, дружок, беги, – прошептал Хрипатый, засовывая рассыпающуюся колбу за ошейник. – Беги! Пошел! Ну?!

И Барыга побежал. А потом побегал еще быстрее, завыв от боли. Но не смог убежать от нее. Саранча освободилась. На две секунды. Когда собачий вопль задохся, оставив серое пятно на куче песка, Хрипатый, корча рот, страдая от боли в источенной множеством дырок ладони, сжал здоровую руку в кулак, подошел к Чергыту и коротким ударом разбил ему морду.

ОНИ РЕМОНТИРОВАЛИ КОМБАЙН, ПРЕЖДЕ ЧЕМ СМОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ЕГО СДЕЛАТЬ ХОТЬ ШАГ, ЕЩЕ ОКОЛО МЕСЯЦА.

Новая книга Кондрата оказалась исчерпывающей инструкцией по расширению функций молекулярных принтеров и началам алхимического искусства – дар живущего в стратосфере Саньча благодарному человечеству. В начале этих Кондрат особо не разобрался, слишком был занят, совершенствуясь в искусстве дезинфекции комбайна негашеной известью.

А вот Чергыт, пока они сидели в глухой пустыне у развороченного, загаженного комбайна, науку эту нечувствительно одолел. Именно он смог поднять обратно рухнувшую мачту пылесоса, запустить принтер и выпустить нужные детали. Ну, еще, кроме прочего, накормить и напоить людей посреди меловой пустыни. Вернул, в общем, доверие. Искупил тяжким трудом. Восстановил потерянный авторитет. Времени на ремонт ушло порядком. Но комбайн они запустили и теперь медленно топтали песок в сторону дома.

– Я вот что думаю, Чергыт, – пустил облако дыма Хрипатый. – Когда мы в Управе появимся, нас просто издали расстреляют в назидание или еще как?

Чергыт промолчал, в бинокль разглядывая сквозь треснувшее стекло рубки темнеющий от поднятой пыли горизонт. Он вообще стал сильно неразговорчив в последнее время. Что-то он там вычитал такое в книжке. Менее амбициозным он от этого, правда, не стал. И когда комбайн успешно прошел ходовые испытания, он, не дрогнув, проложил курс домой.

И теперь они шли обратно, на базу. Совершенно не представляя, что их там ждет. И что ждет теперь, наверное, всю Управу, раз уж на то пошло. Потому что на базе Управы есть такие огромные принтеры, на которых даже космический корабль собрать можно – если сообразить, как его представить. Знание – это все же дикая сила.

ПМ